

Леонида Каневского по-прежнему любит милиция

05.12.91 г. 23. - 1998. - 22-28 янв. -
Майор Томин славит Землю Обетованную - с. 10.

Каневского, конечно, прежде всего знают как майора Томина из телесериала «Следствие ведут знатоки». Однако если повернуть память с накатанной дорожки, то вспомнится и «Бриллиантовая рука» (один из живописных контрабандистов), и эфросовский «Дон-Жуан» (Лепорелло), и мультик «Вокруг света за 80 дней» (закадровый голос Фикса), и «Шаги командора» по Венедикту Ерофееву (возможно, единственная трагическая роль актера). В 90-м году Леонид Каневский уехал в Израиль, а недавно навестил Москву. После поездки с ним встретился наш корреспондент в Тель-Авиве Дмитрий КАЛЕДИН

— Сейчас в Москве вам не очень понравилось. Почему?

— У меня нет никакого желания вернуться и работать в Москве. Во-первых, коллеги, которые там остались, находятся в большом напряжении. Во-вторых, те спектакли, которые привозят сюда пусть даже самые хорошие театры, это все равно какая-то мощная коммерциализация, рассчитанная на вполне определенного и лично мне не импонирующего зрителя. А все мысли в России, как мне кажется, о том, где побольше заработать, где какая презентация и куда бы поехать. К сожалению, мало кто из актеров хотя бы моего поколения, я уже не говорю о более старшем, могут так жить. И лица у ребят, которые появлялись у нас за кулисами, были довольно грустные. Даже если это артисты «Ленкома» и «Современника»... И вообще разговоры, связи — все стало другим. Не то чтобы раньше актеры вели только разговоры о великом — нет, мы сидели по ресторанам и говорили, конечно, о деньгах. Но не это было главным, мы прежде всего делали свое дело — работали в театрах, в кино и на телевидении. И в основном разговоры были об этом. В общем, когда меня спрашивают, не хочу ли я вернуться, говорю, что не хочу. У

меня замечательный театр «Гешер», хороший режиссер (Евгений Арье), кстати, он если не прямой, то духовный ученик Эфроса. Я чувствую себя будто в «Ленкоме» 60-х годов. За шесть с половиной лет существования этот театр стал лучшим в стране: мы побывали на всех европейских фестивалях, программа забита на два года вперед.

После того как я переехал сюда, мой модус вивенди не изменился ни на йоту. Может быть, просто усилился прессинг жизни — 25 спектаклей в месяц, работаю на радио, на телевидении. У меня полон дом и моих местных друзей, и тех, кто приезжает. Вообще после пятидесяти трудно с кем-то подружиться, но уж если с кем-то совпадаешь, то полное впечатление, что прожил с ним всю жизнь.

— Нет тоски по популярности?

— Ну, причем здесь тоска. Меня и здесь все узнают... А когда приехал в Москву, то милиция меня на руках пронесла, таможенники тоже чуть не расцеловали. Так что я считаю, что все осталось при мне.

Вот если бы я стеснялся своего прошлого, то тогда, наверное, сейчас было бы тяжело жить. Но я-то имел возможность поработать с великим режиссером — Эфросом. Кстати, израильские коллеги, которые работают с нами в «Гешере», знают его имя и почитают. И зритель чувствует русскую школу.

— Вы легко освоились с языком?

— Поначалу это была катастрофа и прыжок в прорубь. Мы начали играть на иврите уже через полгода после того, как открылся театр. Не понимая ни одного слова! Мы мучались неизменно. Я по ночам вскакивал и проверял слова. Теперь же все иначе. Иврит засел довольно глубоко, по крайней мере, он меня не пугает. Вообще, процесс игры на неродном языке безумно сложный. Думаем-то мы по-русски. И, соответственно, все эмоции изображаем тоже по-русски. Но некоторые спектакли нам сейчас уже легче играть на иврите. Кроме прочего, чужой язык дает актеру дополнительную собранность.

— Насколько вообще вас задевают репатриантские проблемы?

— Я приехал сюда работать. Сначала со мной был заключен контракт, это уже потом пришлось принять израильское гражданство, в основном, из-за налогов — ужасно дерут с иностран-

цев. Дочка окончила здесь школу, училась в университете. Материальные проблемы, которые были там, остались и здесь. Но мой образ жизни остался прежним, характер не поменялся. Просто стало гораздо меньше времени, поэтому я научился ценить уик-энд.

— У вас не возникает ощущения местечковости в Израиле?

— Нет. Единственное, я теперь понял всю прелесть Европы. Теперь я стал чувствовать, что мне в Израиле не достает старых домов, старых улочек, самой атмосферы старой Европы. А с утверждениями типа: в Израиле не понимают театр и вообще искусство — я категорически не согласен. Здесь есть такой же слой интеллигенции, который определяет все рейтинги. Москва, без сомнения, творческая Мекка. Но опять же, недавно я был в Лондоне и посмотрел там три местных спектакля: два из них были ужасные, а один замечательный — «Кавказский меловой круг».

А что Израиль — маленькая страна... Ну, так что же. Я всегда любил маленькие городки. Например, прибалтийские.

— Да, но жили вы все-таки не в Юрмале, а в Москве...

— Конечно, я городской житель. Но мне Тель-Авив нравится. Где еще можно в три часа ночи застрять в автомобильной пробке?

— Ближневосточный темперамент не раздражает?

— Немного напрягает. Есть такое слово «менталитет». Так вот менталитет у половины населения слишком раскованный и эмоциональный. Здесь очень часто видишь такую сцену: двое ругаются, кажется, что еще немного и схватятся за ножи, ан нет — поговорили, разошлись и уже смеются. Не от сердца, а от губы скандал. Шумно на улицах. Визгливость всеобщая. Я просто не общаюсь с теми, кто может вызвать раздражение. И если нарочно не искать этих раздражителей, то можно их избежать. Сами они в жизнь не влезают. Конечно, раздражает, когда сталкиваешься с бюрократизмом, который здесь расцвел пышным цветом. Неприятно людское равнодушие, ощущение самодостаточности. Израильяне лишний раз не поднимутся, чтобы кому-то помочь, хотя говорить о том, что надо помочь, будут часами. Если можно уйти от ответа, то стараются уйти от ответа. Было такое и в России, но здесь это концентрированней и поэтому сильнее бросается в глаза.

— Переулки московские сняты?

— Нет, не сняты. Никогда.

— Ну, бог с ними со снами, а хоть мечта-то у Каневского есть?

— Есть! Иметь дом или квартиру с выходом на крышу. Мечтаю прийти в дом пьяным или полупьяным, сесть на деревянную лестницу, ведущую наверх, и задремать. Вполне осуществимая мечта...

Я много где был, но только тут я почувствовал себя как дома. Вернее, я не чувствую себя здесь иностранцем. Может, из-за того, что здесь много русского языка, или, может, потому что тепло, а я очень люблю теплый климат. Человек должен жить в тепле, там он раскрепощается.

— Ленивым становится...

— Ну, это уж от характера зависит. Я вот не стал.

